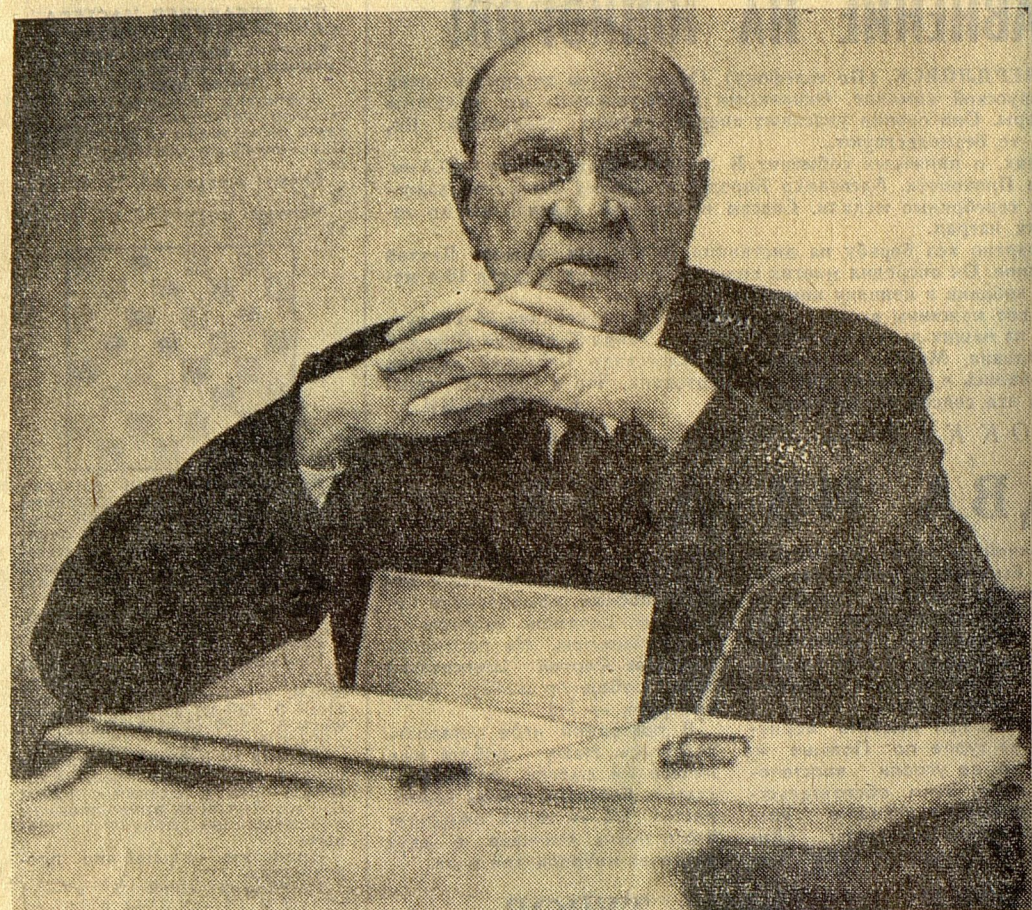

Народному поэту
Белоруссии Кондрату
Крапиве — 75 лет.

„ОРУЖИЯ ЛЮБИМЕЙШЕГО РОДА...“

Стенды, посвященные 75-летию народного писателя, сейчас можно увидеть во многих библиотеках Минска, в Белорусском государственном университете, в В. И. Ленина, высших и средних учебных заведениях. Но мне хочется рассказать об одной-той, которая экспонируется в литературном музее Янки Купалы. Под ней висит очень небольшая стенда, в которой из-за ограниченности места не вошли многие материалы, хранящиеся в фондах музея. Об этом можно не сожалеть — законченным языком, лаконичными, собранными, литературными исследованиями очень полно и интересно рассказано о ярком и самолюбивом творчестве Кондрата Крапивы.

СВЕТАТЫ ТАЛАНТ СОВРЕМЕННОГО...

Вот, например, что о нем самом Кондрат Крапива в гордо-документально-фотографическом издании, которое хранится в фондах Белорусского государственного университета «Маладняк». Эта многоликая личность, имевшая отклонения не только во всех углах республики, но даже и в общероссийских школах, позвала к творческой жизни по-настоящему талантливого молодого. Сейчас их имена хорошо известны. Это М. Чарот и А. Дудар, Н. Чорный и А. Бабарика, Д. Глебова и многие другие писатели старшего поколения, зачинатели белорусской советской литературы, соратники по перу Кондрата Крапивы. Вот они на стенде, его первые небольшие книжки: «Отец», «Крапива», «Рассказы», «Василий». Остается только удивляться такому богатому жанровому многообразию. Особой популярностью пользовались «Воспоминания» и «Светлый». В 1936 году, когда с неслыханными следами прошедших десятилетий, занимает центральное место на стенде. Написанная по библейским мотивам, сатирическая поэма повествует о борьбе сатаны с силами добра и справедливости. Святой и непогрешимый Ной предстает перед нами в образе беспорочного пловца и самогонщика, а божья кара оказывается самым обыкновенным лентом и сабанинником.

А вот еще одна маленькая книжечка, изданная в «Беллит» белорусской драматургии. Это всем известная комедия «Кто смеется последним». Переплету русской страны, она с успехом прошла в театрах Польши и Германии. Глубокое понимание гражданского долга, разоблачение скрытых притворств Советской власти, нежелание замалчивать недостатки вождем писателя на сцене, вышедшей остротой сатирической комедии. И не удивительно, что вышедшая пьеса произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

У Крапивы был отличный и единственный в своем роде учитель. Янка Купала внимательно следил за творчеством писателя. Вот снимок, сделанный в день 35-летия творчества народного поэта Белоруссии. Его пришли поздравить Я. Колас, М. Тышкевич, К. Крапива, Е. Купала. Вместе сфотографированы они с десятилетиями белорусской литературы и искусства в Москве, проходивших в 1939 и 1940 годах. Тяжелое время войны и эвакуации еще больше сблизило друзей-писателей республики. И еще фотографии: К. Крапива в Вязьме, снимает покрывало с мемориальной доски на доме, где жил Купала, он же открывает в Минске купальню писателя.

Огромное спасибо работникам музея, которые с любовью оформили выставку, посвященную Кондрату Крапиве, помогающую проследить жизненный и литературный путь любимого писателя.

старший техник ИМТО АН БССР, О. ЛЫСОНОВ.

НЕ ВЛАСТНЫ ГОДЫ

Книжки Кондрата Крапивы... Они — частые и желанные гости нашего книжного магазина. Нам, людям, которым доверено быть друзьями и помощниками читателя, иногда приходится трудно с книгой. Это — когда ее долго не берут, когда она долго не находит человека, для которого предназначена. У произведений замечательного белорусского писателя Кондрата Крапивы другая судьба. Они очень легко находят себе друзей, их читают и дети, и взрослые, а это само по себе является хорошим свидетельством народного таланта, над которым не властны годы.

Сегодня, в день юбилея писателя, пожелаем ему вечной юности пера. Пусть каждой его книге сопутствует большая радость читателя. И наша тоже.

А. КУТИКОВА,
товаровед книжного
магазина № 28,
г. Минск.

МЫ ЧЕСТВУЕМ ПЕРО ПОЭТА

Имя этого большого белорусского мастера слова хорошо известно не только в Белоруссии, но и далеко за ее пределами. К. Крапива пришел в литературу в начале двадцатых годов и с первых шагов отдал всего себя, всю силу своего таланта беззаветному служению советскому народу, Коммунистической партии.

Многие высокохудожественные произведения К. Крапивы вошли в золотой фонд советской литературы, хрестоматии и учебники, по которым молодежь учится любви к Родине, несприимости ко всякой фашистской в человеческих отношениях, принципиальности, бескомпромиссности в борьбе с чуждой идеологией.

Творческую и научную работу он сочетает с разносторонней общественно-политической деятельностью. К. Крапива является депутатом Верховного Совета БССР, членом правления Союза писателей СССР, президиума правления Союза писателей БССР, Международного комитета славы и ряда других организаций.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили творчество и научную деятельность писателя и ученого, наградив его тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Трудового

Красного Знамени, Красной Звезды, многих медалей.

По случаю 75-летнего юбилея этого выдающегося писателя, ученого и общественно-политического деятеля 3 марта состоялось объединенное собрание отделения общественных наук АН БССР и Союза писателей Белоруссии. В конференц-зал соборались ученые и писатели, пришли представители партийных и советских организаций, творческих союзов республики, общественности города.

Затем были заслушаны сообщения ученых, посвященные творчеству и научной деятельности К. Крапивы. Доклад о творчестве и научной деятельности писателя и ученого сделал академик И. БССР, народный поэт республики П. У. Бровка. Доктор искусствоведения В. И. Нефедовский свое выступление посвятил К. Крапиве на белорусской сцене. Доктор филологических наук М. В. Бирюков рассказал о работе ученого в области языкознания. О переводах произведений писателя на зарубежные языки доложил научный сотрудник Института литературы имени Я. Купалы АН БССР А. В. Можайко.

Выступивший на собрании К. Крапива сердечно поблагодарил за теплые слова, высказанные в его адрес в связи с юбилеем.

Л. МАЛИНИНА.

„ОРУЖИЯ ЛЮБИМЕЙШЕГО РОДА...“

Как в жизни, так и в литературе мы все начинаем с подражания, с ученичества. Подражаем людям, которые нам нравятся, подражаем героям книг, любимым нами. А если нам было суждено родиться художниками, свои первые опыты мы начинаем с подражания тому, что нам кажется прекрасным. В этом, пожалуй, нет ничего опасного или предосудительного. Говорят, тот не станет человеком, у кого не было своего героя. И еще — тот не станет мастером, кто не был учеником. Значит, это детское наше и юношеское подражательство является как бы первой ступенью неизбежной поры ученичества.

Крестьянский сын Кондрат Атрахович тоже не миновал в своей жизни этой поры. Идеалом прекрасного были для него в те дни стихи, отмеченные всеми признаками разочарования в земной жизни. Они казались ему особенно прекрасными в своей непохожести на все то, что окружало его в неспокойном быту белорусского села Низок, расположенного в Узденской волости Минского уезда. Он находился еще в том возрасте, когда красным и значительным могло казаться только необычное и в этой своей необычности потрясало воображение. Не удивительно, что первые его поэтические опыты были целиком в духе эллигического отношения к бытию. Ведь в юности мы все так много, легко и щедро говорим о смерти, так заочно обращаемся с темой, к которой обретаем необходимое почтение только со зрелыми лет, познав истинную цену человеческой жизни и человеческого мужества.

Безвильный, но недвусмысленный ответ, полученный многоуважаемым Кондратом Крапивой от редакции одного из петербургских журналов, на многие годы отлучил юного Атраховича от соблазнительной игры в рифмы. По тем временам (да еще и до сих пор) он считал верой во многообразие творчества, в непохожесть и непохожесть их оценок. Поэтому приговор оказался ему тем окончательным, который обжалованию не подлежит.

Так думал он, осознанный самим собою, как обыкновенный ученик четырехклассного городского училища в местечке Койданово, дерзко посягнувший на блистательный Олимп. Но, как мы теперь точно знаем, был уже тогда еще и другой Кондрат Атрахович, и самки осознанный, но уже рожденный на свет и живущий, будущий поэт-сатирик и драматург Кондрат Крапива. И работа, начатая с подражания прекрасному, продолжалась в нем. В сущности, она и не переставала никогда. Он всегда зорко и бережливо наблюдал мир, копил слова. Жестко, поступки — добрыми, злые, смешные и суровые.

Жизнь, окружающая его в детстве и ранней юности, была так скудна событиями, так небогата прекрасным, видевшимся ему прекрасным сквозь милое сердце призму романтической поэзии, что ему и в голову не приходила мысль о возможности заразить свои цветы именно здесь, на этой скудной и сухой почве повседневности, забот, хлопот и тяжких трудов. Просто-напросто он бросил писать в рифму и принялся старательно учиться обычным школьным наукам, чтобы «выбиться в люди», то есть стать учителем и хотя бы таким путем приобрести к миру духовных ценностей.

Одним словом, сам он и не помышлял об обжаловании категорического приговора далекой петербургской редакции. Но весь его внутренний мир, чуждый и зоркий, не только обжаловал, но попросту отверг его, этот приговор, и продолжал свою работу. Он копил свои наблюдения, добывая свои богатства всюду, где они попадались. Мольер говорил, что он берет свое добро там, где его находит. Он тоже брал свое добро, даже и не осознав себя хозяином, способным с этим добром совладать и силою мастерства переплавить в духовные ценности. А добра, годного для художника, было достаточно даже в тесных рамках той действительности, которая окружала сельского учителя.

Впрочем, рамки эти вскоре стали раздвигаться. И раздвинулись достаточно широко.

Началась первая мировая война, и молодому учителю из белорусской деревни было предложено, как он сам с ироничной улыбкой сообщает в автобиографии, «постоять за веру царя и отечество». К тому времени он уже достаточно определенно договаривался, что ни за веру, ни за царя стоять у него не сколько-нибудь веских причин. Что же до отечества, то и оно вроде не слишком старалось заслуживать расположение, а тем более — самоотверженную любовь Кондрата Атраховича. Ясному осознанию этого чрезвычайного сплосковало именно то обстоятельство, что в тихий мир сельского учителя самодержавной волею войны хлынули новизны, новые события. Мир перестал перед ним во всей беспощадной обнаженности войны. И уж его, способный видеть, сравнивать и анализировать во всей осязаемости образного мышления, стремились извлечь истинную суть из сумятицы и тревоги окружающего. Художник, никогда не умирившийся, не наблюдая, запоминал, искал формы и слова, способные вобрать в себя и удержать, способные передать другим людям всю полноту и остроту волнующих его чувств.

К тому времени, когда кончилась для него царская и началась Красная Армия, он уже довольно хорошо знал, что есть красота и почему ее обожествляют люди. Он уже умел отличить красоту внешнюю от внутренней, умел видеть и ценить героизм людей и событий за всей их внешней негероичностью и, с точки зрения эстетики, некрасивостью. Но и тогда еще он не осознавал себя художником. Старый приговор, полученный много лет назад, оставался еще для него в силе.

Мы начали с того, что учеба начинается с подражания. Как, впрочем, и жизнь. И согласился с тем, что в этом есть своя разумная закономерность. Остается добавить только то, что как в жизни, так и в литературе опасно эту пору ученичества, подражательства затягивать. Найти свое место, свое призвание, свой, незаменимый голос! Поэзия, игра, искусство, как в жизни, так и в литературе — обременительны, бесплодны. Подознательное ощущение этого тоже, наверно, было причиной столь затянувшегося действия приговора. Но если уж человек родился художником, рано или поздно приговор должен был потерпеть крах. И он его потерпел, едва только молодой командир Красной Армии снова обратился к перу, чтобы высказать все-таки свое отношение к миру и событиям в нем.

«На этот раз», — пишет Кондрат Крапива в автобиографии, — я не ставил себе задачи писать высокохудожественные произведения. Мою задачу на мироздание, как находил, то есть — на тех многих и непростых дорогах, которыми вела его жизнь. Жизнь крестьянина, учителя, воина. Жизнь, никогда не пугавшаяся жизни. Жизнь, по побуждению здоровой крови отталкивавшая эстетство. Жизнь бойца, который ищет свое оружие по руке, по способностям. Должно было пройти немало времени, прежде чем он осознал, что его место в строю писателей и что его оружием будет и останется навсегда оружие сатиры.

«Оружия любимейшего рода, готовая рвануться в гик, застыла кавалерия острот, поднявши рифм отточенные пики...» С такой, должно быть, остротой он воспринял впоследствии эти строки, так метко подтопившие и его поиск, увенчавшийся находкой. С той поры, с того его первого стихотворения в «Савецкай Беларусі» в сущности и начался его путь, путь сатирика, которому суждено было вписать свою страничку в историю белорусской литературы. Ту страничку, без которой сегодня уже невозможно себе эту литературу представить.

Если бы мне вдумалась сейчас, в честь юбилея перечислить все написанное Кондратом Крапивой после того, «знаменательного» стихотворения в газете «Савецкая Беларусь», пришлось бы, пожалуй, не только тратить отведенное для этой статьи место, но еще и посягнуть на добавочную территорию. Но в таком перечислении вряд ли есть нужда, потому что любому из наших читателей еще с его школьных дней имя Кондрата Крапивы говорит так много, что не нуждается в особых комментариях. Галерея его образов, начиная от той бабы, которая являет собой, так сказать, простейший образец заботливого и демагога («Дзед і баба») и кончая гораздо более усложненным его вариантом лжеученого трутня и пустозвона Горлохвостского («Кто смеется последним»), известна самому широкому кругу читателей и зрителей. Да, зритель, потому что шаг сатирика оказался настолько широк, что со страниц печатной литературы он шагнул на сцену театра, режиссер расширил поле боя, расширяя сектор обзора территории противника.

Чем сильнее человек любит, тем непримиримее его гнев, его ненависть к врагам того, что он любит. Эта истина, очевидно, писателем иногда зашифрована сатирикой от обвинений его в пристрастии к черной краске. Были времена, когда это соображение вовсе не казалось вещь само собою разумеющейся, когда сатирику с немалой потерей крови и сил приходилось доказывать и опровергать свое законное право на особый интерес, особое пристрастие ко злу, к негативному. И чем чернее его краски в изображении бюрократов, чиновников, невежд, карьеристов, чванливых и развратных дворян, тем, значит, светлее и ярче его взгляд на мир людей, мир добра и справедливости. Тем, значит, действенное его помощью этому миру. Кондрат Крапива тоже, разумеется, страдал не раз от укусов и уколок критики. Но, как говорится, боксер, выходя на ринг, не должен спрашивать, зачем дерутся. Он тоже никогда не выпускал из рук своего оружия. Он никогда не забывал, что спутешествием расчитывающий только на хорошую погоду, вообще не должен выходить из дому, а боец должен драться, чего бы это ему ни стоило. Смех сатирика должен быть меток и беспощаден, он должен разбить врага и вооружать друга. Так что сатира — это дело суровое и опасное.

Однако не надо себе представлять сатирика этаким суровым воином, закованным в латы, непроницаемым для тепла, для эмоций, для сердечного волнения. Ведь сатира — дело не только суровое, она — дело веселое. Она, если хотите, дело лирическое, волею не чуждое сердечной застенчивости. Сатирик вообще не обязан являть собой тип какого-то «отшельника жанра». И менее всего под этот тип подходит Кондрат Крапива, который еще давно, на заре своей творческой юности, в одной из статей, посвященных теории сатиры, упоминал имя Генриха Гейне, как поэта, в чьем творчестве так нераздельно слиты два начала — лирическое и сатирическое. С полным основанием можно утверждать, что подобный синтез характерен для лучших произведений Крапивы. Ибо что такое есть лирика, как не сильное эмоциональное начало произведения, как не сильное и явное ощущение автора, той его «живой кровинки», без которой не живет и не дышит любое произведение, любое жанра? В этом именно драгоценном смысле лирическим произведением нашего народного писателя, чей славный юбилей мы с любовью отмечаем сегодня.

Ирина КЛИМАШЕВСКАЯ.

САМЫЙ КУПАЛОВСКИЙ ДРАМАТУРГ!

лорусского искусства. Поэтому сегодня к юбилею любимого купаловского драматурга купаловские бережно восстанавливают свой спектакль.

Трудная и почетная эта задача выпала на долю Леонида Григорьевича Рахленко — режиссера этого спектакля и неизменного исполнителя главной роли — Горлохвостского. Трудная — потому что исполнителю нужно вводить заповедь, «Иных уж нет...» И годы берут свое. А как заменить Глебова? «Я — Туля-я-га, а бабки мас были — Туля-я-га...» — неповторимые интонации, своеобразная семейная походка, взгляд снизу вверх слабого, доброго, запуганного человека, необыкновенный трагикомический эффект исполнения — это не забыто теми, кто хоть раз видел спектакль. А ведь многие — очень многие из тех, кто увидев афишу, взволнуется, — видели спектакль по многу раз! И не забыли отточеное изысканство пластики Зелькина — Бориса Платонова, чуть гнусавый голос, искательные и вместе с тем наглые глаза, подвижную шею, суетливые пальцы сводника, клетчатника и холуя... Выходящую походку Зиночки — Стефании Станютич, неспешную основательность Ничипора — Генриха Григорьевича, добродушие и юмор, тест Кати — Лидии

Рожковой... Доверчивость ослепленного талантами «кладовых матушки-земли Черюха» — Степана Бирюло, яростную сварливость Горлохвостской — Веры Полло и размахистую посылку самого Горлохвостского — Леонида Рахленко... Для тех, кто знает и любит этот спектакль давно, — сегодняшний праздник, где на сцене, в воспоминаниях о прошлых днях наплывают впечатления сегодняшнего дня и планы на будущее.

Для них и для других, кто не видел спектакля и только понаслышке знал его славу, спектакль — выйдет на сцену Элиасов Стома в роли Туляги, Геннадий Гарбук — в роли Зелькина, Степан Хакевич — Ничипор, Алла Долгая — Вера... Выйдут и новые и преж-

Кондрат КРАПИВА

ВОРАНУ ВЫШАЙ АРЛА НЕ ЛЯТАЦЬ

На нас узнікаюцца рыцары
мочы,
Іх сочаць у цме нашы
зоркія вочы:
Хай точыць іх сэрца
зямляна злосьць,
Па смерць сюды прыйдзе
ніпадоўнае гошце.
Як ворану вышай арла не
лятаць,
Так ворану нашай зямлі не
таптаць.

Есць што бараніць нам і
чарбарыца,
Скала непрыступная наша
граніца,
І паруха хопіць у нас і
свайца,
Каб ворану знішчыць усё іх
ніпадоўнае гасце.
Як ворану вышай арла не
лятаць,
Так ворану нашай зямлі не
таптаць.

Мы сілы падвоім, мы
харабей патроім,
Мы ворагаў іх жа крывёю
напоім,
Як ворану вышай арла не
лятаць,
Так ворану нашай зямлі не
таптаць.
1939 г.

НА СНИМКЕ слева вы видите народных артистов СССР Л. Г. Рахленко и З. Ф. Стому на репетиции спектакля «Кто смеется последним».

НА СНИМКАХ справа — сцены из этого же спектакля, поставленного режиссером И. М. Рахленко и Л. Г. Рахленко в 1939 году. Зелькин — народный артист СССР — Б. В. Платонов, Зина — народная артистка БССР С. М. Станюта. Туляга — народный артист СССР Г. П. Глебов, Горлохвостский — Л. Г. Рахленко.